

82.3 (2Рос.Хак)6-8
М-14

В.Е. МАЙНОГАСHEBA

**ХАКАС ЧОННЫҢ
ХАЙЧЫ-НЫМАХЧЫЛАРЫ
ПАЗА САРЫНЧЫЛАРЫ**

**ХАКАССКИЕ
СКАЗИТЕЛИ И ПЕВЦЫ**

82.3(2.Рос.Хака)6-8

М-14

В.Е. МАЙНОГАСHEBA

ХАКАС ЧОННЫҢ ХАЙЧЫ-НЫМАХЧЫЛАРЫ ПАЗА САРЫНЧЫЛАРЫ

ХАКАССКИЕ СКАЗИТЕЛИ И ПЕВЦЫ

*Очерки, эссе о некоторых мастерах
фольклора*

ГБУК РХ
"НБ им. Н.Г. Доможакова"

Абакан
2020

895308 к/о

УДК 398 (574.513)
ББК 82.3(2Рос.Хак)
М 14

Майногашева В.Е.
М 14 **Хакасские сказители и певцы.** Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. – Абакан : [Б/и], 2020. – 2-ое дополненное издание.

Сборник очерков, эссе «Хакасские сказители и певцы» познакомит читателей с хакасскими талантливыми сказителями и певцами, с их жизнью и творчеством.

Сборник предназначен учителям, учащимся школ, студентам, фольклористам, литературоведам и всем, кто интересуется хакасской народной поэзией и культурой.

ISBN 978-5-6045591-5-4

УДК 398 (574.513)
ББК 82.3(2Рос.Хак)

© Майногашева В.Е., 2020
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»,
2020

Евдокия Никитична Кулагашева (1896–1977)

Кому довелось общаться с одним из немногих женщин-сказителей – Евдокией Никитичной Кулагашевой, память о ней пронесет через всю жизнь. Я – одна из них. К ней влекло, как путника среди зимней стужи к огню. Под влиянием ее удивительных знаний и обаяния тебя посещало какое-то особое жизненное озарение. Она вся светилась добротой и мудростью, воспитанностью и внутренней культурой. Обычное в ее поступках обретало первозданную свежесть.

Взять хотя бы самое простое – умение здороваться, приветствовать встретившегося знакомого. У хакасов, как и у всех народов, этому уделялось особое внимание. Было принято учить ребенка словами пословицы: «Нет ничего дороже, чем поздороваются с тобой». А это означало самому слегка кивнуть и достаточно громко, чтобы услышали, произнести: «Изеннер!» («Здравствуйте!»).

Не секрет, что здороваться – первейший долг человека перед человеком, тем более младших перед старшими. Каждое новое

поколение детей вступает в человеческую среду, вырабатывая привычки здороваться. Сегодня у молодых она нередко заменяется привычкой ожидания, чтобы поздоровались с тобой другие. Умение культурно здороваться, несомненно, – признак культуры человека. Высокая культура общения с людьми у Евдокии Никитичны начиналась с ее искусства внимательно поздороваться со старшим или ответить также на приветствие младшего.

Бывает, говорила Евдокия Никитична, некоторые даже в зрелом возрасте не думают, что иной пожилой человек может не услышать или не увидеть, что с ним поздоровались, и не ответить на приветствие только потому, что слух у него ухудшился с годами, зрение потеряло остроту, внимание рассеялось под грузом непомерных забот.

Народная этика отмечает, не признает такую гордыню в молодых людях.

Впервые я встретилась с ней в начале 1968 года в ее доме № 65 по улице Б. Хмельницкого г. Абакана.

Сразу замечались её остроумие и не по годам энергия, излучавшаяся от нее. Худенькая, сутуловатая, среднего роста и по-своему весьма развитая, хотя не закончила она ни школы, ни тем более вуза, но умела читать и писать – окончила 1 класс. Евдокия Никитична носила в себе огромный заряд творчества и знания фольклора, народной традиционной культуры, обычаев, обрядов и языка родного народа. Она охотно открывала перед всеми, кто шел к ней за этим, свои народные «университеты». Ко времени моего знакомства с ней она пользовалась уже широкой известностью и признанием среди хакасоведов. Бывали у нее К.М. Патачаков, П.А. Трояков, В.Я. Бутанаев и др. И всегда плодотворно. Каждый находил в ней большого знатока культуры своего народа, его духовных ценностей.

Дочь Евдокии Никитичны, Зинаида Ильинична Кулагашева, преподававшая русскую литературу в Хакасской национальной школе (ныне гимназия им. Н.Ф. Катанова), записала от нее несколько произведений героического эпоса, из которых одно, – «Алтын Тайджи» – ей удалось издать на хакасском языке (Абакан, 1973). Текст издан в сокращении, но замечательно иллюстрирован очень талантливым художником В.А. Тодыковым. Дочерью же записано огромное сказание «Кюн-Арыг».

Лично мною от нее записаны «Глупый Хан-Мирген, ездящий на белобуланом коне», «Два чалых жеребенка» и др. К сожалению, ни одно из произведений ее репертуара до сих пор не переведено на русский язык, а это большой недостаток в развитии хакасской народной поэзии. Репертуар остается доступным только для тех, кто владеет хорошо хакасским языком.

Евдокия Никитична была единственной, кто сохранил в своей памяти ряд богатырских поэм, исполнявшихся сказителем долины р. Абакан Трояковым Таркопом, жившим во второй половине 19 и начале 20 столетия. По ее утверждению, Таркоп слыл крупным профессионалом. Сказительской деятельностью содержал свою семью, т. е. жил за счет подарков, которые ему преподносили за сказительство. Жена у сказителя рано умерла, а он остался с дочкой на руках, маленькой, беспомощной. Он всюду ездил с ней, импровизируя сказания о богатырях. Девочка так и росла в таких путешествиях. Воспоминания о Таркопе и его жизни у Евдокии Никитичны были полны сочувствия и сострадания.

В общении с ней меня поразило умение этой необыкновенной женщины, я бы это назвала даже искусством, контактировать, разговаривать с людьми. В течение нескольких дней, которые провела с ней, записывая фольклор, увидела это с лихвой. Вот один из примеров.

С тяжелым газовым баллоном на плечах к Е.Н. Кулагашевой входит русоволосый парень. В домике с низким потолком ему тесно, некомфортно. При входе нечаянно, неожиданно для себя он со всего размаха стучается по низкому дверному карнизу. Получив сильный удар, он не издал стона, но покраснел, и лицо приняло болезненно-сердитое выражение. Хозяйка, которой уже тогда перевалило далеко за 70 лет, с молодой молниеносностью отозвалась на его боль и как бы сняла ее тут же: «Миленький, – произнесла она очень ласковым, участливым голосом, – чем смогу Вам помочь?!» Теплое обращение к незнакомому, как к родному, человеку оказали мгновенное воздействие. Парень тут же преодолел свою боль и ответил ей улыбкой: «Ничего!» Все это произошло за секунды, но сцена потрясла меня человеческой добротой, взаимоуважением, достойным самых интеллигентных людей. Только человек большой души способен высечь из другого даже в самой неприятной ситуации искорку доброты.

Евдокия Никитична удивляла жизнелюбием, оптимистичностью. Очевидцы мне рассказывали, например, как мужественно она шла на операцию желудка в Хакасскую, тогда областную, больницу. Как всегда, она не унывала. И вида не показывала, что боится идти в операционную, а врачу-хирургу полушуткой, полусерьезно сказала: «Ну что, резаться будем?» Так она поддерживала и свой моральный дух и настроение врача перед его тяжелым трудом.

Людей не случайно тянуло к ней – ровесниц, друзей, знакомых, подружек. Они обогащались от нее добротой духа, знаниями. Вспоминали вместе старину, своих предков, историю их жизни. Обо всем этом она могла рассказывать часами, днями. И между тем успевала приглядеть за внуками, проследить за их занятиями в другой комнате, вовремя проводить в школу.

Когда я приходила к Евдокии Никитичне записывать фольклор, она охотно работала со мной, а в перерывах на короткий отдых ставила варить обед, кипятила и заваривала чай. В доме всегда было тепло и уютно, в нем царило гостеприимство. Удивляло, как она успевает напечь разных вкусных булочек, настряпать пельменей и заморозить их в кладовке. На столе для гостей появлялись хакасское угре, талкан, конская харта, которые были ее любимыми блюдами наравне с пельменями. И угощала она непременно каждого, кто приходил к ним. А разнообразные варенья весь день украшали стол и звали новых гостей.

Она любила, когда к ней заходили. Дверь только прикрывалась, но не замыкалась. А ведь как всякий пожилой человек, наверное, нуждалась в покое и отдыхе. Ни на что не жалуясь, она все же ждала выходные дни – субботу и воскресенье, когда уходила в гости к своим подругам, чтобы насладиться покоем, беседами о жите-бытье, сказами о богатырях, которые жили за сотни и тысячи лет назад и славили родную землю своими героическими подвигами.

Воспевать богатырские деяния предков считалось занятием почётным и до деталей обставлялось обрядностью. Народ ненавидел войны и грабежи. Героической борьбой отстаивал все светлое. Свою волю, силу желаний народ выражал в художественно-поэтическом творчестве, устанавливая в нем нормы морально-нравственных устоев жизни. Свои заповеди он снова внушал каждому поколению.

Осуждал всякую алчность, жестокость, стремление наживать богатства неправедным путем – путем войн, грабежей, пользуясь превосходством физических сил. Несправедливость, грабежи, войны, в исполнении сказителей, в том числе Овдо Кулагашевой, как звали ее родные, оценивались как тяжкое преступление против народа. В алыптыг ныхмахе бытует специальный, выработанный в тысячелетиях и веках морально-этический кодекс: преступление, связанное с уничтожением безвинных, слабых, карается наиболее жестоко, но справедливо. Например, виновный превращается народным проклятьем в камень вместе со своим конем навечно. Есть и другие способы наказания, например, приковывание цепями к скале в подземном мире. Это – карма, которую никто из виновных не избежит.

Эпоха великого переселения народов весьма широко изображена во многих хакасских алыптыг ныхмах, т.е. героических сказаниях. Именно эта эпоха породила их множество.

Но репертуар Е. Кулагашевой большею частью состоял из произведений позднего средневековья Хакасии. Например, «Алтын Тайджи», изданный на хакасском языке, отражает морально-нравственный кризис института наследственной власти. Как видно, действовавший не одно тысячелетие, этот институт давал сильнейшие трещины по всем «швам» во времена ига западных монголов. Об этом времени говорит само имя главного героя – Алтын Тайджи, т.е. Золотой Принц, где вторая часть имени – Тайджи – давалось наследному отпрыску ханского престола не без влияния монгольской иерархической системы. В этом сказании показано, прежде всего, пренебрежительное отношение к обычаю уважения старших по возрасту – родителей, теток, дядей и других родственников. С горечью и негодованием доносится, что такое поведение повторяется от наследника к наследнику. Вот монолог тетки, обращенный к наследнику ханской семьи:

Ваш отец, а мой старший брат Ах-Хан,
Таким же был непослушным.
Туда шел, куда сказано не ходить,
Туда приходил, куда говорено не приходить.
На вершину священного тасхыла, что с небом ровень,

К дочери Творца — Чарых Пуруххан —
Круглокопытному коню взбираться было нельзя,
Хитроумному мужу подниматься запрещено.
То запретное место Чайааном определено.
Однако он по пути на охоту
Поднимался на запрещенное Чайааном место,
Вместе с конем своим окаменев,
Ваш отец до сих пор там стоит.
А ваша мать Айазын-Арыг,
Об окаменении Вашего отца Ах-Хана узнав,
Рожденного в слизи ребенка бросив,
В Золотую Кукушку с конскую голову обратясь,
Улетела на то же самое место.
К месту обитания Чарых Пуруххан прилетев,
На гриву белобуланого коня опустилась,
Сделавшись камнем в образе кукушки, там и осталась.

В сказительском искусстве Е.Н. Кулагашевой поэтичность, развитость монологов замечательны. Она была истинным народным художником, умевшим мастерски шлифовать поэтику народного эпоса, придать стилю динамичность, что шло от тонкого художественного чутья.

Проблема воспитания молодого наследника – разве это не одна из вечных забот человеческого общества. И нам, людям, находящимся на далеком от них жизненном витке, она весьма близка. Мы узнаем, как неустанно, вновь и вновь человеческое общество испытывает потребность ставить этот важнейший вопрос перед каждым растущим и вступающим в жизнь поколением.

Овдо любила слушать импровизации своих современников С. Кадышева, П. Курбижекова, А. Курбижековой и др. Временами, приезжая в Абакан, они навещали ее, собирались в ее доме. Это были самые желанные и дорогие гости, общение с которыми доставляло особую радость и взаимопонимание. Такие встречи с коллегами обогащали, благодаря им Овдо хорошо знала многие традиционные поэтические приемы разных сказительских школ. В своих

импровизациях использовала традиционные зачины, «разбавляя» их лишь отдельными свежими словами:

Когда земля образовалась, смешиваясь с медью,
Корни пуская, нарастала трава,
Затвердевшие деревья густою тайгой вставая,
Землю украшали — (вот) тогда это было.
Лапистые звери по густой тайге
С визгом (туда и сюда) пробегают,
Крылатые птицы, разлетаясь,
С вершин деревьев клеттали.
С вершины земли — белых тасхылов —
Сточные воды стекают.

(Подстрочники наши. — В.М.)

Изредка Евдокия Никитична хаем пела алыптыг нымах и аккомпанировала себе на чатхане. Хай её звучал слабо. Обычным способом её исполнения являлся речитативный сказ. Ведь женщинам у хакасов запрещалось прибегать к хаю – этому сугубо мужскому занятию.

Евдокия Никитична родилась 20 ноября 1896 года в аале Ах Тигей кисти, что значит по-русски «За Белой Вершиной». Этот аал стоял в районе нынешней Никольской церкви г. Абакана. Её родителями являлись Сатик и Саломея Окуневы, род отца ее кости – ах-хасхы. Мать происходила из рода Танзыбаевых. В трехдетной семье Овдо была старшей. Мать рано умерла, и девочке пришлось с раннего детства помогать отцу растить младших – сестру Марис и брата Ивана. Очень серьезная и трудолюбивая, Овдо несла на плечах почти всю домашнюю работу. Бедняк-отец жил трудной жизнью. Но когда подросла Овдо, дела в хозяйстве пошли в гору. Он даже разбогател. Дом Сатика, любознательного и по тем временам грамотного, в 10-х годах нашего века стал своего рода культурным центром, где собиралась немногочисленная хакасская и русская интеллигенция. Здесь бывали ученые Н.Ф. Катанов, С.Д. Майнагашев, археолог С.А. Теплоухов, заведующий Минусинским музеем краеведения Н.М. Мартьянов, ученый А.А. Ярилов и др.

В свой дом хозяин часто привозил известного в то время крупного сказителя Таркопа Троякова. Проживал у него сказитель месяцами, импровизируя под собственный аккомпанемент чатхана или хомыса алыптыг нымахи. Наезживал к ним и другой сказитель – Агоол Добров. Таким образом, жизнь в доме Сатика Окунева шла духовно интересной, насыщенной. Незаурядная девочка Овдо любила слушать героические сказания, предания о старине, песни-тахпахи и другие жанры фольклора. Вбирала в свою память все эти богатства духовной культуры и воспитывалась под влиянием широко, прогрессивно мыслящих, весьма интересных представителей хакасской и русской интеллигенции. Семена просвещения падали на благодатную почву.

В дальнейшем, уже при Советах, младший брат Овдо – Иван Окунев – станет студентом Московского государственного университета. Полученное в семье развитие, тяга к знаниям дадут свой росток, но, к несчастью, он заболел туберкулезом легких и учебу, которая ему давалась легко, пришлось оставить. Народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко лично принимал участие в его лечении, познакомившись с ним в санатории Крыма. Он подружился с парнем, которым заинтересовался. Но помочь Ивану и эта знаменитость оказалась бессильной. Через некоторое время его не стало. В семье Кулагашевых хранится фотография, на которой нарком тех лет Н.А. Семашко стоит рядом с Иваном, а на руках у первого вышитый хакасский кисет – сувенир от Евдокии Никитичны.

Сатик Окунев был в Хакасии одним из первых толстовцев – знал не только сочинения Л.Н. Толстого, но знакомился с его духовными исканиями и следовал за ними. По-русски его звали Никита Иванович Окунев. Умный и стремившийся к овладению русской и европейской культурой, Сатик Окунев читал произведения К. Маркса, в частности «Капитал», о чем он мог поговорить разве только с минусинскими деятелями науки и культуры, но об этом ничего не известно. В дальнейшем, уже пожилым человеком, по словам Евдокии Никитичны, он занялся политикой. Боясь преследований, уехал в Тыву жить и больше не вернулся. О его политических взглядах дочери было неизвестно.

В доме отца Овдо не только любила слушать хакасских сказителей, но и сама пробовала, а затем и по-настоящему импровизировала

богатырские поэмы, слышанные от Таркопа. От нее записывал Степан Дмитриевич Майнагашев, тогда начинающий молодой ученый. А от Таркопа ряд записей фольклора осуществил Николай Федорович Катанов, о чем нам свидетельствовала Евдокия Никитична.

Эти сообщения Евдокии Никитичны для нас представляют значительную ценность. У нас не было иных источников, которые бы содержали имена информаторов С.Д. Майнагашева и частично Н.Ф. Катанова. Мы хорошо знаем, что многие их записи, их фольклорные архивы канули навсегда, особенно материалы С.Д. Майнагашева. После его случайной гибели сундук с его архивом был родными спрятан в горной пещере или закопан в яме, в горе, и, как видно, стал достоянием грызунов.

Что касается собраний Николая Федоровича, издания которых он не дождался, лежат, как утверждают, в госархивах г. Казани и ждут света. А переизданию пока подвергаются от случая к случаю лишь давно известные, изданные им самим материалы, при этом не всегда добротнo подготовленные, к сожалению.

Евдокия Никитична в 1918 году вышла замуж за бедняка Илью Кулагашева и покинула отчий дом, переехав в аал Чыланниг-Хас, который располагался у горы Уй-таг (Ўй таг) по Аскизскому тракту.

Сноровистая, трудолюбивая, умная и умелая хозяйка-невестка принесла в дом Кулагашевых сначала достаток, затем сделала его зажиточным и даже несколько богатым. Но в то время умение хозяйствовать новая власть не одобрила. Так, Кулагашевы оказались в немилости. В 1932 году их с мужем раскулачили и отправили в ссылку в г. Черемхово. У супругов выросли два сына и дочь, которая нами выше упомянута. Все дети и в ссылке получили высшее образование. Советская власть образование давала всем – были бы способности и желание. Образование было бесплатным. Но в 30-х годах не в каждой семье имелись средства учиться даже бесплатно.

Сын Кулагашевых, Михаил, историк по образованию, учил детей в школе, а в 1944 году погиб в Великой Отечественной войне в Белорусском полесье. Сын Алексей, кандидат геолого-минералогических наук, несколько лет назад умер в г. Черемхове. Нет уже и дочери Зины, самой младшей из семьи. А внучки и внуки выросли, живут своими семьями. Жив и ее зять Григорий Межеков, пенсионер.

Кулагашевы прожили в ссылке почти 20 лет. На родину вернулись только в 1956 году, когда уже несколько лет прожили вольными. Купили в г. Абакане маленький домик, вернее, пол домика, где прожили более двух десятилетий. Эти последние годы прошли вполне счастливыми для Евдокии Никитичны, которая ушла в тот мир раньше двоих своих детей. Пока жила, многим помогала. В основном бесплатно обшивала, обвязывала тех, кто сам не умел этого делать. Например, Анна Васильевна Курбижекова, слепая на оба глаза, хакасская сказительница и тахпахчи, не имела возможности сшить себе платье, вышить. Эту работу за нее делала по возможности Евдокия Никитична. Она была добра не на одних словах, но и на деле. Любила быть обеспеченной, но к богатству ее не тянуло.

Острая на язык Овдо Кулагашева и в обыденном разговоре так и сыпала пословицами и поговорками, как жемчугами. И сама была жемчугом своего народа.

Обладая тонким чутьем к красоте слова, художественным даром, Евдокия Никитична умело несла на своих плечах и все женские традиционные обязанности. Умела обрабатывать шкуры, делать меха, умела сшить шубу, пальто, платье, делать выкройки. Пока обладала силой, в частном хозяйстве в сезон жатвы бралась и за серп. Словом, в одном лице сочетались в ней «и швец, и жнец и в дуду игрец».

А кроме десятка текстов богатырских поэм, исполнявшихся ею перед своей аудиторией, во всех подробностях она знала многие народные обычаи и обряды. Лично мне удалось от нее записать весь похоронный обряд, совершавшийся среди качинцев долины реки Абакан. Другие исследователи-хакасоведы записали в ее информации народный свадебный обряд со всеми его многочисленными этапами, сговорами, преследованиями похитителей невесты, мировыми и т. д.

Евдокия Никитична прожила очень плодотворную, сложную и большую жизнь. Она внесла огромный вклад в дело сохранения и развития культуры хакасского народа. И свет ее памяти, теплый, яркий, освещает наш дальнейший путь. И мы, потомки, в долгу перед нею. В первую очередь нужна хотя бы мемориальная доска в ее честь на дому № 65 по улице Б. Хмельницкого, а в дальнейшем дать ее имя какой-нибудь из улиц г. Абакана.